

COVID-19 в Ливане и Алжире: тревожное будущее

Г-н Зин Лабидин Гебули (Zine Labidine Ghebouli);

алжирский исследователь, блогер и активист;

Американский университет Бейрута (АУБ)

В то время, когда весь мир сталкивается с пандемией коронавируса и готовится к социально-экономическим и политическим последствиям, Алжир и Ливан также пытаются найти путь к стабильности. За прошедший год обе страны стали аренами народных протестов: Алжирские улицы были заполнены протестующими с 22 февраля 2019 года, а Ливан столкнулся с политическим кризисом с 17 октября 2019 года. Режимы в обеих странах борются за свое выживание, им грозят народные восстания, экономические кризисы и политическая напряженность. Понимание воздействия кризиса, вызванного коронавирусом, требует тщательного анализа того, что происходит в обеих странах.

Во-первых, что касается Алжира, его кризис начался не с нынешней пандемии. В стране уже более года продолжается протестное движение. Это протестное движение привело к сдвигам в системе, которая внезапно оказалась дестабилизированной. Признаки этих перемен включали отставку бывшего президента Абдельазиза Бутефлики, разобщение элиты Бутефлики: два премьер-министра находятся в тюрьме по обвинению в коррупции, а совсем недавно произошли изменения в руководстве военной разведки.

Помимо этой беспокойной политической обстановки, Алжир также сталкивается с экономическим коллапсом. Алжир является государством-рантье – большая часть его доходов поступает от нефтегазовой отрасли, при этом значительные объемы бюджетных ассигнований направляются в сектор обороны и безопасности. Алжирские валютные резервы резко сократились с более чем 160 млрд долл. в 2014 году до, как ожидается, менее 60 млрд долл. к концу 2020 года; что для алжирского правительства означает возможности осуществления импортных операций в течение не более 24 месяцев. Ситуация с коронавирусом усугубила этот кризис, вызвав внезапное падение цен на нефть – Алжир, для сбалансированного бюджета которого нужна цена на нефть, по меньшей мере, 135 долл. за баррель, столкнется с ценой ниже 20 долл. за баррель.

В разгар этих сложных проблем коронавирусный кризис привел к некоторым изменениям на алжирской сцене. Протестное движение решило остановить свои демонстрации, чтобы защитить общественное здоровье. Однако это не остановило систематические репрессии активистов и журналистов. Социально-экономические условия жизни алжирцев стали более трудными, поскольку правительство объявило локдаун, что привело к росту социальной напряженности.

В целом, ситуация в Алжире переросла в сложный многослойный кризис, который, вероятно, будет иметь серьезные последствия. Будет интересно наблюдать за любым потенциальным перерастанием протестного движения в новую альтернативную силу. Не менее важно, чтобы способность правительства пережить эту пандемию определила устойчивость системы. Вспышка коронавируса – это только начало массовой мобилизации, которая может быть более значимой, чем эпизодические события 2019 года.

Ситуация в Ливане не является ни более простой, ни более многообещающей. Ухудшение социально-экономических проблем привело к тому, что ливанцы вышли на улицы 17 октября 2019 года. Это восстание стало фактором перемен в ливанской политике и с тех пор переросло в первое обще-ливанское независимое политическое восстание. Революция [свергла](#) правительство, ранее возглавляемое Саадом Харири и разрушила политическую систему, сформировавшуюся после окончания гражданской войны по результатам мирных переговоров в городе Таиф. Оно также воссоединило ливанцев, как проживающих в самом Ливане, так и диаспору, с будущим их страны и проложило путь к дискуссии о светском Ливане, свободном от межконфессиональной борьбы. Сегодня страной правит то, что кажется [одноцветным правительством](#) во главе с премьер-министром Хасаном Диабом, что по сути означает, что ему не хватает поддержки населения и даже политического консенсуса.

Этот политический переворот, возможно, является «второстепенным приоритетом» по сравнению с приближающимся экономическим и финансовым крахом. Ливан борется с экономическим кризисом, который, конечно, усугубляется нынешней политической ситуацией, но является лишь результатом политики, проводимой на протяжении предыдущих десятилетий. Ливанцы пытаются выжить, но экономические показатели вызывают тревогу. Государственный долг страны увеличился до более чем [90 млрд](#) долл. в 2020 году; это привело к соотношению внешнего долга к ВВП в [152 процента](#). Кроме того, уровень бедности вырос до [30 процентов](#), в то время как уровень безработицы увеличился до 20 процентов, согласно данным Всемирного банка. Курс обмена валют, официально установленный на уровне 1515 ливанских фунтов за 1 долл., стал почти [4000 ливанских фунтов на 1 доллар](#). Эти факторы приводят к опасному сочетанию социально-экономических результатов.

Политические и экономические показатели указывают на ухабистый путь к стабильности в пост-пандемическую эпоху. Коронавирус, возможно, задержал волну народного недовольства, но создается впечатление, что предотвратить ее невозможно. Несколько стихийных протестов вспыхнули в Триполи и Бейруте; ливанцы [организовали](#) автопротест во время заседания парламента. Терпение людей, похоже, заканчивается, что говорит о том, что в будущем правительство столкнется со значительным давлением, которое может положить конец его правлению. Такой

набор проблем также приведет к наихудшему социально-экономическому кризису в стране за последние десятилетия.

Следовательно, как для Алжира, так и для Ливана, пост-коронавирусная эпоха даст окончательный ответ на вопрос о том, удалось ли протестным движениям добиться изменений или нет. Судьба обеих стран будет во многом зависеть от трех факторов. Во-первых, реакция обоих правительств на социально-экономические проблемы. Во-вторых, способность обоих протестных движений перерасти в альтернативную силу. В-третьих, и, возможно, самое главное, реакция международного сообщества и его подлинное стремление к достижению стабильности обеими странами.